

**Светлана Кирдина**

## **МОЖЕТ ЛИ УЧЕНЫЙ ИЗМЕНИТЬ МИР?**

Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Перев. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. 272 с.

Книга известного перуанского ученого-экономиста Эрнандо де Сото, анализирующего успешное развитие капитализма в западных странах, «рассказывает, как сегодня можно добиться тех же результатов в развивающихся и бывших социалистических странах» (с. 4)<sup>1</sup>. Действительно ли рекомендации автора имеют универсальный характер? Действительно ли, следуя им, можно рассчитывать на то, что в России будет построено «общество всеобщего благоденствия»? И неужели для этого нам не хватало лишь нового знания, содержащегося в книге Э. де Сото?

Прежде чем сделать попытку ответить на эти вопросы, представим читателю самого автора и его труд.

### **Кто такой Эрнандо де Сото?**

Итак, об авторе. Эрнандо де Сото является президентом известного во всем мире Института свободы и демократии, базирующегося в Перу. Предыдущая его книга «Иной путь. Невидимая революция в третьем мире» (на русском языке выпущена в 1989 и 1995 годах московским издательством "Catallaxy"), стала бестселлером в 1980-е годы. Журнал "Time" недавно включил де Сото в список пяти ведущих политических мыслителей Латинской Америки XX столетия. С 1989 года, будучи личным представителем и главным советником президента Перу, де Сото инициировал политические и экономические реформы в этой стране. Он много ездит по миру, воочию наблюдает особенности экономического развития разных стран — не только Латинской Америки и Африки, но также Западной и Восточной Европы, США, Японии и др. Под руководством де Сото проводятся многочисленные эмпирические исследования малоизвестных явлений — внезаконного сектора экономики в развивающихся странах, теневой экономики, работы правительственных и муниципальных чиновников, организаций малого бизнеса и т. д.

Уважение мировой общественности к де Сото и его трудам демонстрируют предваряющие книгу «Загадка капитала» восторженные отзывы известных людей. Книгу высоко оценили лауреаты нобелевских премий Р. Коуз и М. Фридмен, бывший Генеральный секретарь ООН Х. П. де Куэльяр, бывший премьер-министр Великобритании М. Тэтчер и бывший министр иностранных дел этой страны Д. Оуэн, основатель и главный редактор журнала "The National Review" У. Ф. Бакли, руководители крупнейших корпораций из России и других стран, в их числе почетный председатель Совета директоров Citygroup У. Ристон, президент НК «ЛУКОЙЛ» В. Ю. Алекперов, президент Инвестиционной компании «Тройка-Диалог» Р. Варданян, председатель правления НК ЮКОС М. Б. Ходорковский. Все они сходятся на том, что книга внесла значительный вклад в понимание процессов экономического развития в мире и служит полезным инструментом для «желающих сделать мир более совершенным» (с. 10).

### **О книге «Загадка капитала»**

Чему посвящена книга Эрнандо де Сото? В первую очередь — доказательству того, что главным источником неудач социально-экономических реформ в странах третьего мира и бывшего социалистического лагеря является правовая небезопасность частной собственности и предпринимательства. Будучи представленной материально в виде активов,

---

<sup>1</sup> Если не указано иное, речь идет о ссылке на рецензируемую книгу Э. де Сото «Загадка капитала». Приведенное высказывание принадлежит В. Ю. Алекперову.

которыми в действительности владеют большие массы населения этих стран, в том числе и беднейшие его слои, эта собственность юридически не оформлена надлежащим образом и потому не может служить залогом при проведении рыночных операций и использоваться в качестве капитала. Неоформленные права собственности не могут выступить на рынке в форме, принятой для массового обмена, такой как чеки, сертификаты акций, простые векселя, облигации, контракты, складские свидетельства, документы на движимое и недвижимое имущество. Современная рыночная экономика, отмечает де Сото, набирает рост благодаря тому, что широко распространенные формальные права собственности допускают свободный и многократный обмен, таким образом способствуя специализации труда и максимальному повышению его производительности. Без официально оформленной частной собственности современная рыночная экономика существовать не может. Соответственно, неоформленные отношения собственности в некапиталистических странах сдерживают развитие рыночных отношений, что и обуславливает их отставание от стран «золотого миллиарда».

Мы не будем пересказывать книгу де Сото — эмоциональный и яркий язык автора доставит удовольствие тем, кто захочет прочесть ее самостоятельно. Здесь же мы предлагаем обсудить некоторые поднятые автором вопросы. На наш взгляд, в концепции де Сото есть «подводные камни», на которые хотелось бы обратить внимание читателей, не являющихся специалистами в экономической теории и истории. Важность дискуссии определяется и тем, что видный экономист предлагает определенные направления экономических преобразований, в частности, и для нашей страны, и вопрос их применимости для России также требует размышлений.

Будем придерживаться следующего плана. Сначала разберем основные составляющие мировоззрения де Сото. Затем охарактеризуем проведенное де Сото исследование, методику сбора и интерпретации эмпирического материала и выясним, являются ли сделанные им выводы единственно возможными. И наконец, проанализируем программу практических действий, которые предлагаются автором для решения проблем неэффективной системы собственности в некапиталистических странах.

Итак, пункт первый — краеугольные камни концепции де Сото. Главный тезис, который по существу является недоказуемым постулатом: *капитализм с его господством частной собственности является справедливым, естественным и единственно приемлемым способом организации общественной жизни*. Выделяя в качестве значимых человеческих ценностей свободу, сострадание к бедным и уважение к общественному договору, де Сото заявляет, что «в настоящее время только капитализм может помочь в достижении этих целей. Это единственная известная нам система, позволяющая в значительном объеме создавать прибавочный продукт» (с. 230). Основной характеристикой капитализма де Сото считает капитал, утверждая вслед за классиками политической экономики, что «именно капитал является силой, поднимающей производительность труда и создающей богатство народов» (с. 17).

Следующее положение, которое де Сото подробно развивает в своей работе, — *взаимозависимость частной собственности и капитала*. Одно определяет другое, друг без друга они не могут работать. Частная форма собственности определяет и капиталистические отношения: «Сфера отношений собственности — это и есть то самое пространство, в котором мы определяем и используем активы, составляем из них всевозможные комбинации и устанавливаем связи с другими активами. В этом пространстве и возникает капитал» (с. 53). Классики экономической теории А. Смит и К. Маркс, по мнению де Сото, «не установили связей между капиталом и собственностью» (с. 72). Между тем именно эту непосредственную взаимозависимость развития капитала и частной собственности автор считает наиболее важным своим утверждением<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что в самой этой взаимосвязи, которая вряд ли может быть оспорена, де Сото постоянно *подчеркивает формальную сторону*. Для того чтобы «накопленные активы превратились в активный капитал и послужили расширению производст-

---

<sup>2</sup> К слову заметим — вряд ли можно согласиться с тем, что Маркс не видел связи между собственностью и капиталом в капиталистических обществах. Заглянем, например, в его «Коммунистический манифест». В нем устанавливается прямая связь между капиталом как общественным отношением и частной собственностью, являющейся основой его воспроизводства. Экспроприация экспроприаторов, т. е. уничтожение частной собственности, означает, по Марксу, и уничтожение капитализма. После чего на основе общественной собственности может быть создано новое коммунистическое бесклассовое общество без капитала и капиталистов. Из этого следует, что связь между собственностью и капиталом Маркс, по крайней мере, устанавливал четко и однозначно.

ва, они должны *получить определенную форму и воплотиться в определенном предмете*» (курсив автора, с. 49). Сам процесс возникновения капитала он описывает так: «На Западе преобразование активов в капитал начинается с того, что создается описание наиболее полезных в социальном и экономическом отношении свойств активов, а затем эта информация фиксируется в виде записей в главных бухгалтерских книгах или на компьютерных дисках и тогда воплощается в документ о праве частной собственности... Записи, фиксирующие право частной собственности, отражают представление о том, что является экономически важным и значительным в наших активах. Они сводят воедино и организуют всю информацию, потенциально необходимую для оценки активов, что позволяет управлять ими» (с. 53) — и, добавим, использовать в качестве капитала. Далее он высказывается еще более определенно: «саму возможность создавать на основе активов капитал дает отражение ценности активов в документах, удостоверяющих право собственности» (с. 160).

Как мы увидим далее, выдвижение на первый план формальных процедур определяет характер рекомендаций де Сото по реформированию экономики некапиталистических стран.

Перейдем к следующему пункту изложения, т. е. охарактеризуем методiku исследования Эрнандо де Сото, на основе которого он строит свои практические рекомендации.

Прежде всего, опираясь на многочисленные исторические данные, де Сото утверждает, что ситуация в современных развивающихся странах идентична той, в которой находилась Европа и США в XVIII—XIX веках. «После 1950-х г. в третьем мире началась экономическая революция, сходная с социальными и экономическими взрывами в Европе 1800-х гг.» (с. 27). Речь идет, прежде всего, о процессах индустриализации и урбанизации, массовом высвобождении сельскохозяйственного труда и активных миграциях сельских жителей в города. Сходство с историей США де Сото видит в том, что процесс освоения и развития территории в этой стране, так же, как в Европе, сопровождался построением новой конфигурации системы собственности, прежде всего на землю.

Исходя из идентичности названных ситуаций, де Сото полагает целесообразным использовать в современной практике стран третьего мира и бывшего социалистического лагеря опыт развития системы частной собственности, накопленный в Европе и США. Мы не будем обсуждать, действительно ли ситуации столь разных стран, разделенные несколькими веками, являются схожими. Но зададимся вопросом: насколько универсален и общеприменим опыт Европы и США? И здесь мы начинаем сталкиваться с противоречиями, не позволяющими сделать однозначные выводы.

Первое противоречие состоит в следующем. С одной стороны, де Сото пишет, капиталистические отношения выросли естественно, и закон лишь оформлял складывающиеся фактически права частной собственности. Именно таким образом — по пути законодательного оформления реальных прав — шло и может идти социальное развитие. В обоснование этого он приводит как практические данные, так и теоретические положения других исследователей. «Западная правовая традиция возникла некогда из структуры социальных и хозяйственных взаимоотношений между группами и внутри групп, обосновавшихся на земле. Поведенческие закономерности этих взаимоотношений обрели нормативную силу: привычки обратились в обычай... а обычай — в закон», цитирует де Сото Г. Бергмана на с. 176. Де Сото уверенно утверждает: «Самого по себе закона недостаточно» (с. 172), и в подтверждение цитирует еще одного исследователя, А. Рапашинского: «Представление, согласно которому достаточно ввести соответствующий правовой режим, чтобы получить систему прав собственности, отвечающую потребностям современной экономики, совершенно нереалистично, потому что большая часть прав собственности только в малой степени может быть гарантирована правовыми методами. Сердцевину институтов собственности образуют... формы социального и экономического поведения, не связанные со сферой правовых отношений» (с. 173). Многочисленные данные из истории освоения США, приводимые де Сото, лишь укрепляют нас в этом отношении. Мы вполне согласны с такой позицией, зафиксированной давным-давно. Так, «еще в трудах Солона (594 г. до н. э.) и Клисфена (509 г. до н. э.) говорилось, что законы не создают отношений собственности, они только закрепляют уже сложившиеся отношения»<sup>3</sup>.

Вместе с тем на страны третьего мира данное положение де Сото не распространяет. Здесь он, наоборот, говорит о том, что закон является первичным в установлении новых социальных отношений. Так, автор определенно пишет, что «успех зависит в первую

---

<sup>3</sup> Кирдина С. Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М: Наука, 2004. С. 99.

очередь от правильности законов. Все остальное имеет подчиненный и вспомогательный характер» (с. 160). Такое утверждение вполне согласуется с постулированием у него значимости формальной стороны отношений, как мы отметили выше. Однако не ясно, почему роль и значимость закона столь рознятся в его концепции для разных стран, в разное время, по его же мнению, переживающих сходные этапы развития, — для одних (страны третьего мира) закон следует за обычаем, для других (Европа, США) — призван сформировать новые социальные отношения.

Но, допустим, мы откажемся от собственной (и декларируемой порой де Сото!) позиции и примем его мнение о том, что закон и правовое оформление является наиболее важным звеном в развитии системы частной собственности в Латинской Америке. Тем более что весьма уважаемые представители мировой общественности выразили свою поддержку его предложениям в этой области. Но здесь мы снова столкнемся с противоречиями.

С одной стороны, де Сото рекомендует правительствам стран третьего мира заняться решением следующей задачи: «выявить и собрать все регистрационные документы, удостоверяющие право частной собственности, и придать им интегрированную системную форму, чтобы каждый объект недвижимости обрел бюрократически оформленную родовую сущность» (с. 185). Однако он сам ставит под сомнение значение такой формализации для действительного образования капитала. Так, де Сото пишет о том, что «в 1994 г. создал особую исследовательскую группу, чтобы выяснить, достигли ли международные финансовые организации в последние 30 лет каких-либо крупных успехов в реализации программ "легализации" прав собственности в третьем мире, то есть программ, результатом которых стало бы должное представление всех активов в рамках единой системы, способной порождать капитал. Группа много месяцев занималась просеиванием архивов Казначейства США и международных организаций, но не нашла ничего, даже отдаленно похожего на успешные реляции» (с. 172). И далее: ни один из экспертов стран третьего мира, с которыми де Сото обсуждал проблему связи формализации собственности и развития капитала, «не мог утверждать, что сколь-нибудь значительная часть выданных титулов собственности позволила активам стать частью единой сети капиталообразования» (с. 173).

В чем же дело, спрашивает де Сото? «Может быть, дело в том, что правительства действовали недостаточно активно?» (с. 173). И сам же отвечает: «Бесспорно, нет. В Перу, например, за последние 400 лет, со времени испанского завоевания, правительства не менее 22 раз предпринимали попытки ввести земельную собственность в рамки закона. Процент успеха — нуль» (с. 173). На других страницах де Сото дает более развернутый ответ: «В Латинской Америке, например, четырежды после освобождения от испанского владычества в 1820-х гг. пытались осуществить реформы, нацеленные на создание капиталистического общества. И всякий раз после начального периода всеобщих восторгов латиноамериканцы отшатывались от капитализма и рыночной экономической политики. Приходится признать, что эти рецепты неточны. Их рекомендации настолько недействительны, что можно считать их практически бесполезными» (с. 16).

Тогда кто же виноват в том, что не идут предлагаемые реформы? Де Сото упоминает еще один важный фактор — субъективный. «Для успеха нужно, чтобы за дело взялся президент страны или ее премьер-министр и сделал эту реформу основой правительственной политики» (с. 192). При этом «руководитель реформ должен обладать мудростью и чутьем, чтобы не связаться с юристами, наторевшими в умении связывать политиков по рукам и ногам, и выбрать себе в помощники таких, кто захочет и сможет придать выверенную форму преобразованиям» (с. 203). Видимо, таких руководителей в истории некапиталистических стран еще не было...

Конечно, в «доброе царя» верят многие, и почему бы де Сото не быть среди них? Другой вопрос — насколько такой призыв соответствует рекомендациям маститого ученого, не одно десятилетие посвятившего изучению реальных скрытых законов социально-экономического развития страны, в которой он живет, и многих других. И какова сила этих рекомендаций, если их внедрение зависит в первую очередь от личности реформатора? Возможно, такое утверждение звучит слишком жестко. Но в истории нашей страны мы столько раз наступали на эти грабли, что хочется специально обратить внимание читателей на эту часть предложений уважаемого автора популярной книги.

Другими словами, сопоставление разных мест из книги де Сото показывает, что он одновременно утверждает и подвергает сомнению наличие связи между юридическим оформлением прав частной собственности и развитием капитала в странах третьего мира. Такая неопределенность лишает убедительности позицию де Сото. Поэтому мы возвращаемся к собственной точке зре-

ния, согласно которой важно не столько предложить новые процедуры, сколько понять, как реально устроено общество и какие процессы требуют первоочередного правового оформления. Если судить поданным самого де Сото, признающего, что попытки создания систем частной собственности в течение долгого времени терпят неудачи в некапиталистических странах, эта задача не является для них первоочередной, и призывы де Сото действовать именно в данном направлении неуместны (недостаточно актуальны).

Еще одна неясность связана с характеристикой внезаконного сектора некапиталистических стран как потенциального объекта для развития отношений частной собственности. Постоянно используя понятия «внезаконные отношения» и «внезаконная собственность», де Сото не дает им институционального определения. То есть такого определения, которое поясняло бы, в какие отношения вступают люди по поводу незаконных имущественных объектов — владения и распоряжения ими, их использования. Речь в книге идет в основном о приблизительной экономической оценке таких объектов. Де Сото пишет: «по нашим расчетам, совокупная стоимость недвижимости, используемой бедняками стран третьего мира и бывшего соцлагеря и не являющейся их законной собственностью, составляет не менее 9,3 трлн. долларов» (с. 44). Приводимые им данные по некоторым странам (Перу, Филиппины, Гаити и др.) свидетельствуют, что стоимость незаконных жилищ бедняков настолько велика в суммарном отношении, что многократно (от 9 до 158 раз) превосходит активы правительств этих стран или размеры всех прямых иностранных инвестиций (с. 40—41). Но остается непонятным, функционирует ли внезаконное имущество как совокупность индивидуальных или коллективных объектов? Поэтому трудно использовать приводимые автором количественные оценки для подтверждения или опровержения его выводов о целесообразности частной, а не иных форм собственности в исследованных странах.

Например, почему более рациональным представляется оформить права владельцев жилищ именно как частных собственников? Вчитаемся в то, что пишет де Сото о складывающихся внезаконных отношениях по поводу земли и недвижимости в латиноамериканских городах: их участники «создают учреждения, обеспечивающие реализацию нового общественного договора: внезаконные деловые и жилищные организации регулярно собираются на заседания, принимают решения, осуществляют надзор за созданием инфраструктуры, следят за оформлением административных процедур и оформляют разные личные документы... Поразительной чертой такого рода учреждений является их стремление легализоваться, получить законные права» (с. 181). Не напоминают ли нам эти организации известные россиянам дачные и гаражные кооперативы, успешно функционирующие без всякой частной собственности? Не в том ли состоит стремление легализоваться, чтобы оформить именно этот порядок действий, который соответствует не частной, но так называемой условной верховной собственности в коллективной ее форме? Зачем разрушать устойчиво действующую систему попытками разбить ее на осколки? Почему автору не приходит в голову такая альтернатива правового оформления сложившихся неформальных практик? Потому что в его модели восприятия, в самих ее исходных тезисах заложен принцип частной собственности как главного и всеобъемлющего механизма экономического развития. Упоминаемые им же самим многочисленные попытки привить частную собственность в Латинской Америке, устойчиво отвергаемые населением этих стран, не переубеждают его.

С одной стороны, де Сото пишет: «истина в том, что в этих странах юристы чрезмерно поглощены изучением и адаптацией западных законов» (с. 190) — и призывает их изучать местную правовую практику. Но, с другой стороны, он сам же приписывает этому «народному праву» черты права западного, означающего реализацию и оформление частной собственности прежде всего. Воистину, мы видим лишь то, что готовы увидеть, что позволяет разглядеть наша система предпосылок и допущений, выступающая в роли микроскопа, выхватывающего из внешнего мира лишь то, на что мы его направили.

### **Рекомендации де Сото применительно к России: за и против**

Поскольку, как известно, «запоминается последняя фраза», мы закончим свои размышления по поводу книги Эрнандо де Сото «Загадка капитала» теми соображениями, которые кажутся нам полезными для определения перспектив нашей страны. Остановимся сначала на тех предложениях, с которыми мы не согласны.

Прочитываем суть его предложений: «Целью реформы собственности, — пишет де Сото, — является предоставление права собственности на миллионы объектов недвижимости миллионам граждан, причем сделать это нужно в предельно сжатые сроки...

Руководители собственности должны объяснить населению, каким образом массовый капитализм затронет интересы множества групп, показать им, какие выгоды они при этом получают. Необходимо убедить всех, что эти реформы несут с собой только выгоды и преимущества для каждого гражданина... Целью реформы, легализующей собственность, является превращение собственности в капитал, который послужит благу всего народа» (с. 207—208). Но разве эти призывы для нас новы? Разве российский читатель не узнает здесь лозунгов, предшествующих приватизации жилья и «ваучеризации населения всей страны»? А после этого нам не вспомнится, например, рекламный Леня Голубков, которому объясняли (а он — всем остальным), что, используя легальное право собственности в виде ваучера, мы станем партнерами других собственников в деле получения безумных прибылей?

Сегодня, в 2005 году, мы можем считать, что процитированные рекомендации де Сото уже реализованы в нашей стране. Привела ли легализация индивидуальной и «частной» собственности к развитию капитала как основного отношения? Решили ли мы проблему организации эффективной системы собственности, на деле реализовав рекомендации Э. де Сото? Удалось ли нам «выделить и зафиксировать экономический потенциал материальных активов и реализовать его, связать активы между собой и запустить движение инвестиционных и финансовых потоков» (с. 160)? У каждого есть свой ответ на этот вопрос.

Рекомендации де Сото в значительной мере обусловлены его исходными постулатами. В то же время из прочитанной книги совершенно неочевидно, что данные рекомендации для нас приемлемы. Быть может, мы признаем, что можно опираться на другие исходные предпосылки? Например, о том, что частная собственность и капитал — не главные движущие силы, а лишь элемент системы общественных отношений, в которой все взаимосвязано. И вопрос в том, какова, собственно, сложившаяся система этих отношений, какова «институциональная матрица» общества? Сам де Сото замечает, что «собственность — это не активы сами по себе, а согласие между людьми по поводу того, как следует этими активами владеть, как их использовать и как обмениваться» (с. 159). Но не во всех странах и государствах люди соглашались с тем, что именно частная форма собственности позволяет им лучше решать свои проблемы. Отношения собственности формируются таким образом, что трансакционные издержки (издержки формирования новых отношений) приводят в конечном счете к экономии трансформационных издержек (издержек функционирования), т. е. позволяют более эффективно организовать производство и достигать общественной экономической выгоды<sup>4</sup>. И если отношения частной собственности в тех или иных странах не складываются естественным путем и в том объеме, как в западных странах, то, возможно, роль их другая — дополнительная, поддерживающая, компенсирующая? Зачем, например, членам дачного кооператива затрачивать сегодня значительные средства для обособления своего домика и участка в государственных реестрах, если можно нормально существовать внутри кооператива? Зачем создавать дополнительный «фронт работ» для чиновников и госучреждений разных уровней, которым мы поставим задачу обособить наши шесть соток?

Мы согласны с де Сото, что «следует приступить к легитимации внезаконной собственности, к введению ее в рамки последовательного и ясного правового порядка» (с. 97). Иначе, действительно, будет сохраняться правовая анархия. Но выбор законных форм собственности, как утверждает де Сото, будет эффективным, если учитываются реально существующие и складывающиеся естественным путем социальные отношения, предпочтения и правила. В каких-то сферах это могут быть аналоги частной собственности, в других — формы проявления условной верховной собственности. Только непродуманная практика покажет, каков должен быть баланс между ними.

Может ли ученый изменить мир и подсказать практикам, в каком направлении двигаться? На наш взгляд, ученый может только поделиться своим знанием. Общество воспринимает лишь то, что оно может воспринять, и его невозможно заставить по-

---

<sup>4</sup> В современном Китае, добившемся значимых экономических и социальных успехов, доля частной собственности в 2004 году составляла лишь 7,8 % (данные из доклада Гао Пейонга, заместителя генерального директора Института экономики финансов и торговли АОН КНР на VI Российско-китайском симпозиуме «Государство и рынок», Екатеринбург, 6—7 июня 2005 года). Остальные формы собственности — государственная, коллективная, акционерная с участием государственных структур и т. д. — соответствуют по принципам своего функционирования условной верховной собственности.

ступить тем или иным образом. Даже о толпе людей, т. е. тысячах человек, на некоторое время оказавшихся в одном месте, М. Булгаков писал, что «никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама». Что же говорить о миллионах людей, столетиями живущих на одной территории и связанных сетью множества связей и исторической памятью? Возможно ли человеку, даже самому умному и понимающему, направить ход развития страны? Можно лишь приспособливаться к этому ходу, и применительно к отношениям собственности это также справедливо. В своей книге де Сото на основе истории стран Европы и США утверждает, что «технологии никак не влияют на переход к интегрированной системе прав собственности... Ключевым моментом было приспособление закона к социальным и экономическим нуждам большинства населения» (с. 109). И кто же в современном мире поспорит с этим?